

Сльга Богатикова

В тёмном-тёмном
лесу...

Ольга Юрьевна Богатикова

В темном-темном лесу...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69743872

SelfPub; 2023

Аннотация

...стоит маленькая деревянная избушка. В этой избушке живет миловидная добродушная женщина, которая и путнику дорогу укажет, и мимоезжему витязю полезный совет даст, и расстроенную девушку успокоит. А уж если с подругами объединится, то выручит местного князя, призовет к порядку Лешего, а Кощею Бессмертному ей вообще лучше не перечить. Чревато это – спорить с лесной волшебницей. Даже если она – его собственная жена.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	45
Глава 4	66
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Ольга Богатикова

В темном-темном лесу...

Глава 1

– С вас восемьсот сорок девять рублей шестьдесят копеек. Платить будете картой или наличными?

– Наличными.

Я отсчитала положенную сумму и протянула ее кассиру.

– Вот ваш чек. Спасибо за покупку.

– Спасибо и вам.

Я подхватила корзину с продуктами и перенесла ее на упаковочный столик.

Так. Восемь плиток шоколада, семь пакетиков маршмеллоу, мешочек кофейных зерен, коробка засахаренного мармелада и две бутылки сладкой газировки.

Вроде бы ничего не забыла.

Бросила взгляд на наручные часы – 19.56. Пора домой, Пафнутий, наверное, меня ждался.

Я переложила покупки в пакет-майку и вышла из магазина на улицу.

На город опускались сумерки. Небо потемнело, облака приобрели багровый оттенок. Еще было светло, однако кое-

где уже зажглись уличные фонари.

– Позвольте вам помочь.

Я обернулась и встретила взглядом с высоким незнакомым мужчиной. Он стоял возле магазинного крыльца и, судя по всему, нарочно меня поджидал. Кажется, я даже видела его среди полок в торговом зале.

– Спасибо, – вежливо улыбнулась ему. – Мой пакет не тяжелый, и я легко донесу его до дома сама.

Конечно, мои покупки были не настолько ценными, чтобы бояться за их сохранность, однако доверять сумку незнакомому человеку не хотелось. К тому же, все находящиеся в ней сладости предназначались не мне. Я отвернулась и пошла вперед по тротуару.

– Извините мою настойчивость, – мужчина быстро меня нагнал и зашагал рядом. – Я просто хочу с вами познакомиться.

– Зачем? – спросила, с интересом его рассматривая.

Этот человек выглядел моим ровесником, на вид я дала бы ему не больше сорока пяти лет. У него были добрые карие глаза, волевой подбородок и мягкая линия губ.

– Я часто вижу вас в городе – на улицах, в парках, в магазинах, в выставочном зале. Вы всегда гуляете одна. Я тоже один. Вот мне и подумалось: быть может, нам стоит прогуляться вместе?

Как это мило и непосредственно. Я снова улыбнулась и протянула ему свой пакет. Он принял его из моих рук, улыб-

нулся в ответ.

– Меня зовут Дмитрий.

– Гликерия. Можно просто Лика.

Он удивленно приподнял бровь.

– Очень приятно, Лика.

– Взаимно.

– Вы сейчас направляетесь домой?

– Да.

– Могу я вас проводить?

– Разве что до автобусной остановки, – усмехнулась я. –

Я живу на самой окраине, идти туда пешком далековато.

– Хорошо, – покладисто кивнул Дмитрий. – Ваш муж не будет против того, что вы находитесь в моей компании?

– Не будет. Мы давно живем отдельно.

На губах моего спутника мелькнула быстрая улыбка.

– А дети у вас есть?

– Есть. Но мой ребенок уже взрослый и тоже живет отдельно. А у вас есть наследники?

Дмитрий покачал головой.

– К сожалению, нет. Жены, к слову, тоже нет.

– Вы в разводе?

– Я вдовец.

О!..

– Моя супруга умерла давно, – продолжил он. – Больше восьми лет назад.

– Почему же вы не женились вновь?

– Так получилось. Я с головой погрузился в свою работу, а потом никак не мог вынырнуть обратно.

– Кем же вы работаете?

– Я... – Дмитрий почему-то замялся. – Я нахожусь на государственной службе.

– Наверное, это очень увлекательно.

– Весьма, – усмехнулся новый знакомый. – А чем занимаетесь вы, Лика?

Вопрос, конечно, интересный.

– Моя работа связана с пограничной службой, – тщательно подбирая слова, ответила ему. – И немного с лесным хозяйством.

– Ого, – снова удивился Дмитрий. – Это как?

– А вот так. Если вы не против, вдаваться в подробности я не буду. Это очень долго и нудно.

– Как скажете. Так значит, вы живете одна?

– Ну почему же. У меня есть Пафнутий, мой кот.

– Вряд ли домашний зверь может стать хорошей компанией для красивой интересной женщины.

– Ошибаетесь, – улыбнулась я. – Он у меня мужчина характерный и волевой. Даром что мохнатый.

Дмитрий пожал плечами.

Мы свернули влево и уже через пару минут подошли к автобусной остановке.

– Давайте встретимся еще, – предложил мне мой спутник.

– А стоит? – серьезно поинтересовалась я.

– Стоит, – уверенно ответил он. – Впрочем, если я вам неприятен...

– Вы мне приятны. Но я понятия не имею, когда мы сможем увидеться снова. Сегодня ночью я уезжаю из города и вернусь только через несколько недель.

– Ничего страшного, я вас подожду.

– Зачем вам это надо, Дмитрий?

– Затем, что вы мне нравитесь, – он придвинулся ко мне почти вплотную. – Я долго наблюдал за вами на улицах. Вы такая... необыкновенная. Воздушная. Сказочная.

Хм. И что мне на это ответить? Отвечать, впрочем, не пришлось – к остановке подъехал автобус.

– Спасибо за помощь, – я забрала у Дмитрия свой пакет. – Всего доброго.

– Я буду вас ждать, – серьезно сказал мужчина. А потом наклонился и поцеловал мою руку. – Столько, сколько нужно.

Я поднялась в автобусный салон, заняла место у окна. Дмитрий увидел меня через стекло и помахал рукой. Я помахала в ответ.

Автобус мягко тронулся с места и неторопливо поехал вперед.

Сказочная, значит. Воздушная. Ну-ну.

Комплименты отвесил, а ни номера телефона, ни адреса не спросил. Как, интересно, он собирается встретиться, если не знает, где меня можно найти?

Впрочем, это даже к лучшему. Пообщаться с Дмитрием было приятно, однако, ухажеры мне ни к чему.

Я вышла на нужной остановке, когда на улице почти совсем стемнело. Фонари светили через один, поэтому пришлось прибавить шаг – бродить в потемках совершенно не хотелось.

Я быстро миновала ряд старых трехэтажных домов и два закрытых продуктовых магазина, потом прошла мимо трансформаторной будки и вступила на широкую утоптанную тропинку, ведущую в лес.

Что ж, до дома теперь рукой подать.

Решительно углубилась в чащу, и спустя десять минут остановилась у двух старых осин, стоявших так близко друг к другу, что их кроны соприкасались, образуя ровную природную арку.

Быстро огляделась по сторонам. Убедившись, что поблизости никого нет, звонко щелкнула пальцами. Пространство между осинами тут же подернулось рябью и заискрилось мягким голубоватым светом.

Пара шагов, и светящаяся арка осталась позади, а прямо передо мной встали вековые дубы совсем другого, дремучего леса. Дождавшись, когда последние искры портала растворятся в воздухе, уверенно и неторопливо направилась по тропинке дальше.

В какой-то момент деревья расступились в стороны, и я

вышла на широкую поляну, посреди которой обнаружился небольшой деревянный домик, стоявший на двух широких столбах. Из его окон лился уютный желтоватый свет.

Я трижды хлопнула в ладоши. Столбы, как по команде ушли в землю, и дом мягко опустился вниз. Сразу после этого открылась дверь, и на крыльцо вышел большой черный кот.

– Нагулялась, Афанасьевна? – добродушно поинтересовался он. – Заходи. Я уж и самовар поставил.

***

Пока Пафнутий сутился возле печи, разогревая мне на ужин гречневую кашу, я отправилась в свою комнатку, чтобы переодеться. Иномирное васильковое платье и белые боножки на тонком каблучке отправились в сундук, а вместо них я неторопливо облачилась в другую, более привычную здесь одежду – длинную рубашку с тонкой красной вышивкой по рукавам и плотную однотонную паневу с витым гашником.

– Пафнуша, кто-нибудь приходил, пока меня не было?

– Устинья забежала, – откликнулся мохнатый помощник. – А больше никто.

Я расчесала волосы и по привычке быстро заплела их в две толстые косы, которые затем уложила вокруг головы. Вроде все. Если на порог явятся поздние гости, шокировать их своим внешним видом я уже не должна.

– Где ты там? – недовольно крикнул Пафнутий. – Каша опять остынет.

Сунула ноги в домашние войлочные тапки и поспешила за стол.

– Что Устя хотела? – спросила у кота, накладывая себе в тарелку из большого чугунного горшка ароматной гречки. – Сказала?

– Нет, – качнул тот большой усатой мордой. – Но догадаться немудрено – поболтать, небось, да посплетничать. Эта ласавка к тебе за другим не ходит.

Я пожала плечами.

– Еще павлиниха прилетала, – продолжил Пафнутий

– Жар-птица, что ли?

– Она, проклятая. Опять от Берендея утекла. Так я ее поймал и лешему передал, чтоб, значит, владельцу вернуть.

– Много перьев из ее хвоста выдернул? – хитро поинтересовалась я.

– Три, – довольно ответил кот. – А что, Афанасьевна? С нее не убудет, она себе новые отрастит. А мы свечи да масло сэкономим.

Запасливый мой. Наверняка нарочно пшеницу на поляне рассыпал – поджидал, когда жар-птица снова на волю вырвется и в лес прилетит.

– Ты-то как погуляла? Без происшествий?

– Почти, – улыбнулась я. – Сходила в кино, побродила в парке. Девочкам сладости купила...

– Кофе тоже девочкам?

– Нет, кофе для меня. И не надо делать такую зверскую морду. Да, я его люблю, поэтому покупаю и пью. Некоторые, между прочим, у забора валериану выращивают, а я, заметь, делаю вид, что этого не вижу.

– Валериана комаров отпугивает, – насупился Пафнутий. Комаров, ага. В лесу-то.

– А когда я собралась идти домой, ко мне подошел знакомый интересный мужчина, – продолжала я.

– Что за мужчина?

– Местный, Дмитрием зовут. Проводил до автобусной остановки, предложил встретиться еще.

– Надеюсь, ты послала его куда подальше?

– Зачем? Он приятный, вежливый, очень симпатичный. К тому же, не факт, что мы с ним увидимся снова. Когда-то я опять на Землю отправлюсь?

– Лица, ты замужем.

– Фактически это не так.

– И что? По закону ты принадлежишь своему мужу.

– Не надо про мужа, – поморщилась я. – Думаешь, он без меня монашескую жизнь ведет? На девок не смотрит и спит в холодной постели? Это я в лесу живу да комаров кормлю, а у него все удовольствия под боком. Мне, может, тоже иногда хочется себя красивой и желанной чувствовать.

– Что ты красивая, и в зеркале прекрасно видно. Вон волосы какие густые и блестящие, ресницы пушистые и фигур-

ка точеная. Это в твоём-то возрасте!

– Ну, спасибо. Откомплементил так откомплементил.

– А желанной ты себя каждый день чувствуешь. Тебя тут все желают – и лесавки, и водяницы, и оборотни, и путники. Не дом, а проходной двор. Вон, смотри, еще один такой желающий топает.

Я повернулась к окну и увидела в темноте человеческий силуэт, который уверенно шел на свет от окон моей избышки.

– Ходят и ходят, – проворчал Пафнутий. – Поужинать спокойно не дадут. Может мимо пройдет?..

Но гость мимо не прошел. Наоборот, приблизился к дому и нерешительно остановился у крыльца. При ближайшем рассмотрении он оказался молодым рыжеволосым парнем. Судя по босым ногам и простой одежде, родом парень был из деревни, а судя по слою пыли на штанах и несвежему виду рубахи, проделал долгий путь.

Постояв пару мгновений у крыльца, визитер поднялся по его ступенькам и осторожно постучал в дверь.

– Пойду баню, что ли, истоплю, – со вздохом сказал Пафнутий.

– Зачем?

– Ты его видела? Он же грязный, как соседская кикимора. А ты его, небось, за стол пригласишь и ночевать оставишь.

– Оставлю, конечно.

– Вот! Не хватало еще чтобы он мебель запачкал и на полу

наследил.

С этими словами кот юркнул в окно, а я пошла открывать дверь.

При виде меня, в глазах парня мелькнуло облегчение, а на губах появилась улыбка.

– Здорова будь, хозяйюшка, – приветливо сказал гость. – Пусти странника отдохнуть.

– А ты кто таков будешь, добрый молодец? – спросила я, одновременно рассматривая его магическим зрением.

Собственно, можно было и не спрашивать. Обычный юноша, на магию нет и намека, на злые помыслы – тоже.

– Никитка я, – ответил парень. – Плотников сын. Из Речевки.

– Ну проходи Никитка из Речевки.

Я посторонилась, пропуская его в дом.

– Как вас величать, хозяйюшка?

– Гликерией Афанасьевной.

Мы прошли через сени и вместе вошли в горницу. При виде стоявшего на столе чугунок с кашей глаза гостя заблестели, как звезды.

– Голоден ты, Никитка?

– Голоден, Гликерия Афанасьевна. С утра маковой росинки во рту не было, весь день по лесу плутал.

– Тогда садись за стол и угощайся.

Парень тут же уселся на табурет и принялся орудовать ложкой. Он ел так, будто его молодой организм голодал не

день, а целую неделю. Поэтому совсем скоро в горшке стало пусто и чисто.

– Как же ты оказался в этом лесу? – спросила я, наливая гостю кружку с горячим травяным чаем. – Люди сюда просто так не ходят.

– Так и я не ради забавы пришел, – вздохнул парень. – Мне, хозяйushка, волшебное зеркальце нужно.

– Волшебное? – удивилась я. – А зачем?

– Марфуше подарить, дочке старосты нашего.

– А ей оно для чего?

Парень вздохнул снова.

– Чтоб на красу свою вечно любоваться. Я, Гликерия Афанасьевна, дюже крепко Марфушу люблю. Хороша она, как цветочек весенний. Ухажеров вокруг нее полчища, сваты каждый месяц приезжают. А Марфуша фыркает и всем дает от ворот поворот. Говорит, замуж только за того пойдет, кто ей особенный подарок преподнесёт – зеркальце чудесное, в котором бы она всегда была такой, какая есть – молодой и прекрасной.

– Никита, – мягко сказала я. – А как Марфа относится конкретно к тебе? Люб ли ты ей?

– Куда там! – махнул рукой парень. – Я ж плотник, плотников сын. Да и рожей не шибко уродился. Марфуша меня в упор не замечает. Я потому и подумал: достану зеркальце, тогда-то она меня и заметит, и полюбит.

Да... Давно у меня не было таких наивных гостей. Вот что

делает с людьми отсутствие образования!

– Знаешь, Никита, думается мне, зря ты в такой дальний путь отправился.

– Почему? Неужто этого зеркала на свете нету?

– Ну отчего же. На свете существует много всяких артефактов, в том числе волшебных стекол, линз и зеркал. Только есть ли смысл ноги из-за них бить? Судя по твоему рассказу, старостина дочка к тебе абсолютно равнодушна. Поверь, ни одна магическая вещь не способна превратить безразличие в любовь. Для того, чтобы любовь возникла, вещи вовсе не нужны – ни волшебные, ни простые. Допустим, найдешь ты это чудесное зеркало, подаришь его Марфе. Допустим даже, женишься на ней. И что дальше? Хорошо ли будет жить с женщиной, которой ты постыл, и которая при других обстоятельствах никогда бы замуж за тебя не вышла? Жениться, Никита, нужно по любви. Причем, любить, в идеале, должны оба. Ну, или хотя бы друг друга уважать. Сомневаюсь, что Марфа из-за подарка, даже такого дорогого, сразу поменяет к тебе свое отношение.

Парень смотрел на меня глазами побитой собаки и при этом казался еще моложе, чем был на самом деле.

– Вот и маменька так же говорит, – пробормотал он. – Что же мне теперь делать? Я так ее люблю...

– Возвращайся домой, – сказала я, – и попробуй заслужить Марфушино расположение как-нибудь иначе. Чтобы она за тебя без всяких зеркал пошла. А если не сумеешь,

оглянись вокруг – на свете много других девушек, не хуже дочери вашего старосты.

– Нет, – покачал головой Никита. – Я до этого леса неделю пешком добирался. Трем деревенским колдунам дрова коллол и воду носил, чтобы они мне дорогу к волшебному зеркалу указали. И что же, просто так все бросить и вернуться домой? Меня там на смех поднимут и прозвище какое-нибудь обидное придумают. Да и самому мне противно дело на полдороги бросать. Лучше уж я зеркало достану, а там пусть Марфуша сама решает, нужен я ей или нет.

Вот они – первая любовь и юношеский максимализм.

– Ладно, – я встала из-за стола. – Что спорить на ночь глядя. Там у меня банька истоплена, иди-ка ты попарься, да оставайся ночевать. А я подумаю, как твоему делу помочь. Утро вечера мудренее.

Едва обрадованный Никита отправился приводить себя в порядок, в открытое окно прыгнул Пофнутый.

– Ну и зачем ты ему помощь пообещала? – поинтересовался он. – Других дел, что ли, нету?

– Ты его видел? – покачала я головой. – Ему ж лет семнадцать-восемнадцать. Я перед этим героем и личину надевать не стала. А помощь предложила, потому что жалко ребенка-то.

– С чего это вдруг у тебя жалостливость проснулась?

– Детей люблю.

– Ну-ну, – фыркнул Пафнутый.

– Ты сам знаешь – постороннему человеку в нашем лесу без помощи нельзя. Или навки съедят, или русалки защеко-чут. А если вдруг костерок вздумает разжечь, леший голову оторвет.

– Хорошо. И что же ты собираешься делать?

– Зеркало для него зачарую. Возлюбленная Никиты хочет видеть себя в нем такой, какая она есть? Я ей это организую. Пусть посмотрит на свое настоящее, внутреннее лицо.

– Оно может ей не понравиться, – заметил Пафнутий.

– На это и расчет, – улыбнулась я. – Если девица душой хороша так же, как и телом, пусть любитесь на здоровье. А если спесивая гордячка, будет ей наука.

– Она тогда на Никитку обозлится. Решит, что он захотел над нею посмеяться.

– Никита ее истинный лик в зеркале тоже увидит. И пусть думает – надо ему такое счастье или нет.

Пафнутий покачал головой.

– Ночью колдовать будешь?

– Как только парень заснет, так чары и наложу. Зеркал-то у нас в доме хватает.

– Ну и работай. А я спать пойду.

– Погоди, – улыбнулась я. – А кто зеркало в чашу отнесет?

– В какую еще чашу? – вытаращил глаза мой помощник. – Зачем?

– Что значит – зачем? Никита же герой, а просто получить волшебный артефакт из рук лесной отшельницы будет со-

всем не героично. Он сюда неделю шел, так пусть еще немного по лесу побегает – днем, когда птицы поют, а нежить спит. Поэтому ты, Пафнуша, отнесешь зеркало в лес, положишь в дупло или на какой-нибудь пень, а завтра мы нашему гостю направление укажем. Главное, не забудь куда его спрятал.

– Да что ж я, совсем дурной, что ли? – проворчал Пафнутий. – Эх, эксплуатируешь ты меня, как хочешь. В такую темень хороший хозяин собаку из дома не выгонит!..

– Ты не собака.

– То-то и оно...

Глава 2

В чашу за волшебным зеркалом Никита отправился с первыми лучами солнца. Провожала я его одна – Пафнутий, вернувшийся вчера из своего секретного похода, объявил, что прогулка по ночному лесу его здорово утомила, а потому спать он намеревается до полудня.

Выпив на завтрак большую кружку молока, гость отклонялся, а я приступила к домашним делам.

Прежде всего, отправилась в птичник и выпустила на волю своих гусей. Их вожак – самый крупный и длинноносый тут же притопал ко мне и доверчиво заглянул в глаза.

– Сегодня можете порезвиться, – сказала, ласково почесав его серую голову. – Срочных дел пока нет, так что можете быть свободны. Но к закату возвращайтесь домой.

Гусь важно гакнул. После этого вся стая встала на крыло и мгновенно скрылась из вида.

Я же пошла в огород и полтора часа кряду полола сорняки. Те, что выросли возле моркови и петрушки, убирала магическими пассами, а те, которые поселились на грядках с волшебными травами, пришлось вырывать вручную.

Затем проверила чары, наложенные на избу и внешние отражатели (ни к чему пришлым молодцам видеть мое скромное подсобное хозяйство), просмотрела записи в магических

зеркала, а потом направилась в кухню – кашеварить.

По пути внимательно осмотрела на предмет пыли полки и углы – надо бы еще уборку сделать. Но этим пусть Пафнуша занимается, у него заклинание чистоты выходит гораздо лучше и изящнее, чем у меня.

Когда мой помощник соизволил-таки спрыгнуть с печки на пол, в доме уже во всю пахло выпечкой и свежими щами.

– Остаешься за старшего, – сказала я ему, когда он, потирая лапы, уселся за обеденный стол. – Я уйду, у нас с девочками будет совещание.

– Шабаш что ли? – усмехнулся Пафнутий.

– Совещание, – повторила я. – Шабаш, если ты забыл, проходит по ночам и в строго регламентированные дни.

– Формулировки, – отмахнулся кот. – То-то ты на ваши сходы не свитки, а сладости иномирные таскаешь.

– Ты завтракать пришел? – спросила я. – Вот и завтракай. Молча. А я ушла.

Взяла с полки пакет с покупками из земного супермаркета и вышла на улицу. Там двумя пассаами открыла магический портал, и уже через пару секунд ступила на небольшую круглую поляну.

Стоило сделать шаг по ее мягкой травке, как со всех сторон засверкали искры телепортов, и рядом со мной очутились еще шесть женщин. Некоторые из них, как и я, явились в паневах и сороках, другие – в девичьих запонах. Действительно, зачем наряжаться? Все равно на сходе будут только

свои.

Висевшая над поляной тишина тут же сменилась гулом голосов, смехом и громкими возгласами.

Когда все друг друга поприветствовали, наша гудящая толпа переместилась в самый центр поляны. Вместе хлопнули в ладоши, и на земле мгновенно появились семь широких пней, выстроившихся по кругу.

– Присаживайтесь, девочки, – громко предложила я, занимая самый большой пень. – Будем разговоры разговаривать.

– Гликерия Афанасьевна, – тут же выскочила вперед Улита, одна из наших незамужних дев, – а вы, совершенно случайно, вкусенького не принесли?

– Совершенно случайно принесла, – улыбнулась я. – Но лакомиться предлагаю после схода.

Общественность тут же недовольно зашумела.

– Лучше во время, – заметила Настасья, вторая после меня по старшенству. – Тогда беседа пойдет веселее.

Остальные согласно закивали. Я пожала плечами и снова хлопнула в ладоши. В центре круга тут же встал широкий стол, на который я выложила принесенные вкусности.

Девочки моментально разделили их между собой.

– Ну, уважаемые хранительницы, как прошли у вас последние четыре недели? – поинтересовалась я, с удивлением глядя, как они разливают газировку по наколованным кружкам. – Как дела на приграничных заставах?

– У меня спокойно, – тут же отозвалась Улита. – Только

пару раз местные оборотни пытались через портал контрабанду провести. Но это ерунда, я их давно знаю и на этом периодически ловлю – из неблагонадежных они, неделю спокойно прожить не могут.

– Вожака в известность поставила? – уточнила я.

– Конечно, – кивнула девушка.

– У меня тоже все как обычно, – вставила сидевшая рядом с ней Аграфена, еще одна незамужняя яга. – Правда, неделю назад стихии разбушевались – огненная и воздушная, пришлось вмешаться, а то бы половину леса сожгли.

– Почему же ты не сообщила об этом раньше? – чуть нахмурилась я.

– Так своими силами справились. Я теперь магический фон на особом контроле держу, каждый день сводки просматриваю. Возмущений нет.

– Настасья?

– А у меня месяц прошел напряженно, – ответила она. – Были четыре попытки незаконного проникновения извне, причем, одна из них настолько мощная, что я была вынуждена отбивать ее лично. Впрочем, ничего странного во всем этом нет – в реальности, от которой нас отделяет мой переход, сейчас идет война, поэтому с ее стороны возможно все, что угодно. Однако общий магический фон все равно пошатнулся и из окрестных водоемов полезли болотники. Три дня этих окаянных зачищали.

– Всех зачистили?

– Да, теперь у нас спокойно.

– Превосходно. Марьюшка, что у тебя?

Марьюшка, невысокая кругленькая колдунья в богато украшенном сороке, залпом допила из своего стакана газировку и посмотрела на меня грустными уставшими глазами.

– Покой нам только снится, – с усмешкой сказала она. – У меня, Лика, каждый день теперь начинается с того, что я хожу по лесу и лешего ищу.

– Почему?

– Пьет, скотина, как... скотина. Брагой в чаще несет так, что комары дохнут прямо на подлете. Деревья без пригляда, соответственно, сохнут, мелкое зверье болеет, лесавки режут. Личности, опять же, сомнительные по тропинкам гуляют. А я, Лика, не разорвусь – и за порталом следить, и магический фон контролировать, и лес в приемлемом состоянии поддерживать. Знаешь, что самое противное? Никак не могу найти гада, который лешего брагой снабжает! А тот, зараза, поставщика своего не сдает. Да еще прячется от меня в дуплах и под корягами. Забьется, как мышь, налакается и спит. А я ищу его по всей округе.

Без помощника-лешего яге-хранительнице, конечно, тяжело. Обязанности у каждой из нас энергозатратные, на посторонние вещи тратить магию чревато. Это у меня резерв почти бесконечный – от особого источника питается, а вот остальным в таких ситуациях приходится туго.

– После собрания пойдем на твою территорию вдвоем, –

сказала я Марье. – Нужно с лучшим серьезно поговорить.

– Пойдем, – радостно кивнула яга. – Только завтра. Сегодня уж он в нормальном виде: я его и подняла, и протрезвила, и отчитала, и трудиться отправила. Ты, Лика, следующим утром приходи, посмотришь на него во всей красе. Может, хоть тебя послушает...

Должен послушать. Чревато это, верховную ягу игнорировать. А проигнорирует, так я на него быстро управу найду. Хотя, конечно, не хотелось бы эту управу лишний раз своими просьбами беспокоить...

– Марья, а что за брагу пьет твой лесной хранитель?

– Не знаю, – пожала она плечами, отламывая себе кусочек шоколада. – Он к моему приходу все до капельки вытягивает. Но воняет она странно.

– Ладно, будем разбираться – кивнула я. – Глафира, а как себя чувствует твой леший?

– К счастью, нормально, – откликнулась Марьяна соседка. – Он у меня мужчина строгих правил, лишнего ни себе, ни другим не позволяет.

– Повезло, – вздохнула Марья.

– У меня другая забота, – продолжила Глафира. – Уж больно много за этот месяц вылезло нежити. Гораздо больше, чем обычно. Не то чтобы это оказалось такой уж проблемой – всех мертвушек мы упокоили. Но все ж таки подозрительно. С чего бы им просыпаться в таком количестве?

– Может, появился новый черный источник?

– Я тоже об этом подумала, – кивнула Глаша. – Поэтому сейчас мы осматриваем территорию и следим за малейшими колебаниями магического фона. Вот, собственно, и все. В остальном дела идут отлично.

Понятно.

– Даша?

– У меня в целом все нормально, – ответила наша третья девица. – На границе с соседней реальностью порядок, колебания фона в рамках нормы. Пару раз были всплески активности, но они гасли сами по себе – у меня на территории озеро с живой водой, и в нем постоянно какие-то процессы происходят.

– Но что-то все-таки не так? – уточнила я.

Дарья вздохнула.

– Не знаю даже, как и рассказать.

Девочки перестали жевать и с любопытством на нее уставились.

– Тоже леший шалит? – спросила Марья.

– Лучше б шалил леший, – снова вздохнула Даша. – Поводился в соседние с моим лесом села Змей Горыныч летать. И ладно бы по делу – оброк какой-нибудь собирал или золота требовал, а он – просто так, силу молодецкую проверить, да голову дурную проветрить.

– Голову? – переспросила Настасья. – Он одноголовый, что ли?

– Да, – кивнула молодая яга.

– Значит, это не Змей, а один из его сыновей, – вставила Улита.

– Пусть так, это не главное. Важно то, что он селянам два поля пшеницы сжег и одно ногами вытоптал. Люди пытались его прогнать, да куда им с вилами и топорами против огнедышащего дракона! Пришли они ко мне, слезно просили помочь. Я, конечно, согласилась и отправилась в поля – со Змеем договариваться.

Даша взяла кусочек мармелада и принялась жевать. Пару секунд висела тишина.

– Ну? – поторопила Аграфена. – Договорилась?

– Договорилась, – печально усмехнулась Дарья. – Теперь он над моим лесом летает и фейерверки по вечерам устраивает. Замуж зовет.

Улита с Аграфеной вытаращили глаза. Все остальные коротко хихикнули.

– Не смешно, – насупилась яга. – Девочки, как мне от него избавиться?! Я уж думала отворотное зелье в воздухе распылить, да боюсь, что белок отравлю – для такой-то туши его столько надо, что половина леса погибнуть может.

– А еще раз поговорить вы не пробовали? – улыбнулась я.

– Да сто раз уже разговаривали! – воскликнула Даша. – Только он дурак упертый! Я ему: не люб ты мне, улетай по добру по здорову. Он же в ответ рычит какую-то ерунду, мол, буду я принадлежать ему и дело это совершенно решенное. А ведь я даже не знаю, как его зовут!

– Он что, ни разу из змея в человека не перекидывался?! – удивилась Глафира.

– Ни разу, – подтвердила Даша. – Хорош женишок, правда, девоньки?

– Хорош, – согласилась я. – Ты, Дарьюшка, горячку не пори, и с отворотом не торопись. Поговорю я сегодня с отцом твоего дракона. Глядишь, как-нибудь уладим дело полюбовно.

– Уж как бы мне этого хотелось, Гликерия Афанасьевна! Сил не осталось терпеть ухажера этого крылатого. Как представлю, что вернусь домой, а он над лесом снова виражи выписывает... Тьфу!

После того, как были доедены последние сладости, мы начали собираться восвояси.

– Девочки, вы помните, какой сегодня день? – уточнила я, перед тем, как открыть портал к своей избе.

– Середина лета, – ответила за всех Настасья. – Время пополнения магического резерва.

– Верно, – кивнула я. – Кому требуется дополнительная магия, приходите сегодня ночью на Русалочье озеро. Будем купаться и набираться сил.

***

– Чем это воняет-то? Опять, небось, кофе твой?

– Он самый, – я удобно откинулась на спинку кресла и сделала маленький глоток терпкого горячего напитка.

Когда я вернулась домой, Пафнутий возился в огороде. Я тут же воспользовалась отсутствием мохнатого ворчуна, чтобы смолоть купленные в земном магазине зерна и сварить себе чашку кофе. Я сегодня ударно потрудилась, а значит, имею право на короткий приятный отдых.

Кот фыркнул и недовольно стукнул пушистым хвостом по подоконнику.

– У тебя от него опять тахикардия начнется. Не девочка, чай, хлестать эту гадость литрами. Да и вечереет уже. Опять полночи спать не будешь?

– Одна-две чашки в день – это не литры, – лениво возразила я. – А на ночь у меня есть планы, спать некогда.

– Ну да, ну да, – скептически покивал головой Пафнутий. – К русалкам пойдешь?

– Все пойдут.

– А может, и не все, – он ткнул лапой в сторону оконного стекла. – Бросай свою жижу, к тебе опять гость скачет.

Словно в подтверждение его слов, раздался стук копыт, лошадиное ржание, а затем громкий бархатный голос:

– Эй, есть кто дома?

Я поставила чашку на стол, неторопливо поднялась на ноги, вышла на крыльцо.

Ну да, гость. Да какой! Высокий, статный, каштановые кудри ложатся на лоб тугими локонами, карие глаза, как звезды сверкают... Хорош, ох хорош!..

– Здравствуй, хозяйюшка, – улыбнулся красавец, спрыги-

вая на землю со своего скакуна. — Пустишь странника отдохнуть?

— А ты, добрый молодец, что в нашем лесу позабыл? — поинтересовалась я. — Дело пытаешь, аль от дела лытаешь?

Мужчина закатил глаза.

— Очень смешно, матушка.

— Ты, Слава, первый с политесов начал, — заметила я. — Что стоишь, как не родной? Бурушку своего отпусти, пусть на воле отдохнет. Леший его накормит и напоет. А сам в дом заходи. У меня и щи наварены, и пирожков целое блюдо. Кофе, кстати, будешь?

— А есть? — оживился сын.

— Есть. Если Пафнутий опять банку не спрятал. Эй, избушенька, присядь маленько, дай Мечеславу на крыльцо зайти по-человечески!

— Не нужно, мама, — улыбнулся Слава. — Я и так справлюсь.

Он снял с коня узду, ласково хлопнул его по крупу, а потом одним прыжком взлетел на крыльцо — прямиком в мои объятия.

Я ласково прижала его к себе, с усмешкой замечая, что обнимая сына, чувствую себя маленькой и хрупкой. А ведь когда-то этот сильный мощный мужчина засыпал исключительно на моих руках. Сколько с тех пор прошло времени? Тридцать лет? Кто бы мог подумать...

Пафнутий приезду дорогого гостя, конечно, обрадовался.

– О! – протянул он, когда мы с Мечеславом вошли в горницу. – Ты, Славка, таки вспомнил, что у тебя есть мать?

– Привет и тебе, старый ворчун, – улыбнулся сын, вынимая из висевшего на поясе мешка сверток, от которого в избе сразу же запахло копченой рыбой. – А я тебе кое-что привез.

Глаза моего мохнатого помощника сверкнули, как два изумруда.

– Хороший, говорю, у тебя сын, Афанасьевна, – тут же заявил кот, ловко цапая из рук Мечеслава вкусный подарок. – Всегда с гостинцами приходит. Появляется, конечно, редко, ну так что ж? Жизнь княжеского воеводы заботами полнится. Когда уж тут по родственникам скакать!

– Точно, – с усмешкой кивнул Слава.

– Что ж, не буду вам мешать. Общайтесь на здоровье. Кофе, если что, на окошке. За горшком с алоэ. Накрытый серой тряпкой.

За сим, любовно прижимая к себе сверток с рыбой, Пафнутий удалился.

– Ужинать будешь? – спросила я у Мечеслава.

Он кивнул.

Быстро накрыла на стол, а пока сын ел, отошла к печи, чтобы сварить ему кофе.

– Рассказывай, что у тебя нового, – сказала, усаживаясь рядом с ним за стол. – Как идет служба?

– Служба идет по-разному, – ответил сын, отпивая глоток иномирного напитка. – Интересного в ней сейчас мало,

только строевая, тренировки, обучение новобранцев и прочая повседневная ерунда.

– Но ведь это хорошо, – заметила я. – Значит, в государстве мирно и стабильно.

– А еще серо и скучно, – кивнул сын. – Меня, знаешь ли, иногда посещают мысли бросить службу и вернуться к отцу.

– Так возвращайся, – пожалала я плечами. – Он будет только рад. Если помнишь, ему твои людские подвиги никогда не нравились. К тому же, рано или поздно тебе все равно придется вернуться домой.

– Так-то это так, – неохотно согласился Мечеслав. – Только пусть это произойдет позже. Кстати, матушка, ты сама-то когда отправишься домой?

– Я и так дома.

– Я имею в виду – когда вернешься к бабушке?

– Не знаю, – ровно ответила сыну, разглядывая стену за его спиной. – Наверное, никогда.

– Почему?

– По кочану, Слава. Мы с отцом в своих отношениях как-нибудь разберемся сами. Не забивай себе голову, ладно? Лучше расскажи, что у тебя стряслось, раз ты прискакал ко мне в гости.

– А разве я не могу навестить свою мать просто так?

– Нет, не можешь. Вы, взрослые дети, живете своей жизнью, а о родителях вспоминаете только тогда, когда что-то случится. Я ведь права?

Мечеслав коротко усмехнулся.

– Права. Видишь ли, мама, я решил жениться.

Мои глаза удивленно расширились.

Вот это новость!

– Так ты приехал за моим родительским благословением?

– Не совсем, – замялся сын. – Тут такое дело... Девушка, которую я хочу взять в жены, категорически мне в этом отказывает.

– То есть как?! – изумилась я. – Слава, за тобой же всегда бегали толпы девиц! Взгляды твои ловили, в окна заглядывали. Стоило головой кивнуть, как любая была готова кинуться тебе на шею!

– Эта – не любая, – грустно улыбнулся сын. – Эта – особенная. И меня она в упор не замечает. Причем, не жеманничает и не играет. Я просто ей не интересен.

– Она слепая?..

– Нет, со зрением у нее все отлично. Но она прихрамывает и немного горбится.

На мгновение я опешила.

– Твоя избранница – хромая горбунья?!

– Мама, я повторю: она немного прихрамывает и чуть-чуть горбится. У нее от природы одно плечо выше другого. Но это совершенно не мешает ей быть самым чудесным и восхитительным созданием на свете.

Несколько секунд мы с сыном молча смотрели друг на друга. Потом Мечеслав вздохнул и продолжил:

– Ее зовут Катерина. Катенька, дочь нашего сокольничего. Из-за этой своей природы она стесняется посещать княжеские гуляния – девицам там положено танцевать, а ей это сделать очень непросто. К тому же, Катя наверняка себя неловко чувствует среди прочих расфуфыренных красавиц, хотя ни одна из них и мизинчика ее не стоит. Однако год назад в княжеском тереме был большой пир – праздновали рождение младшего княжича, а потому все чины должны были явиться туда со своими семьями. Вот Никифор Катеньку с собой и взял – деваться-то было некуда, – на губах сына появилась нежная улыбка. – Она за столом сидела тихонько. Вся такая хрупкая, белая, как Снегурочка. Я бы, может, ее и не заметил, но пошел с другими гостями плясать, случайно голову в сторону повернул, и глазами с ее взглядом встретился. Знаешь, матушка, меня в тот момент, будто в озеро окунули. Забыл, как дышать, истуканом посреди горницы встал и пошевелиться не мог. Потом, конечно, подошел к ней, представился, завел разговор. Мама, какой же она оказалась умницей! Много книг умных прочла, а как здорово поддерживала беседу! На другой день я к ним в гости напросился, а меня там таким холодом окатили, что я потом вне себя был от злости. С тех пор целый год Никифоровы пороги обиваю, как тать за кустами его повозку караулю, чтоб на Снегурочку свою полюбоваться, если вдруг она в город по делам каким поедет. Я уж и сватался к ней, и в любви клялся, и подарками дорогими задаривал, а она холодна, как

лед. Говорит, в чувства мои не верит и смеяться над собой не позволит. Я, конечно, этому удивился, навел справки. Оказалось, приятельницы ее, курицы длиннокосые, напели ей, что, дескать, княжий воевода задумал шутку плохую пошутить – ее, калеку, охмурить да кинуть. И так она крепко в это поверила, что я никак обратное доказать не могу.

Похоже, у бедной девушки имеются серьезные комплексы по поводу своей внешности. В нашей реальности, к сожалению, на недостатки тела обращают гораздо больше внимания, чем на достоинства души.

– Хорошо, – кивнула я. – С тобой и предметом твоей страсти все понятно. А что требуется от меня?

Во взгляде Мечеслава появилась щемящая надежда.

– Мама, дай мне приворотного зелья.

В первую секунду мне показалось, что я ослышалась.

– Слава, – сказала я, серьезно глядя сыну в глаза, – ты дурак?

– Мама, я не шучу! Зелья нужно совсем немного, чтобы Катенька могла мне довериться. А дальше уж я все сделаю сам.

Что-то я не поняла. У нас в государстве появилась новая болезнь? Отчего это вдруг молодежь стала такая безмозглая? Сначала Никита, потом дракон, теперь Мечеслав...

– Никакого зелья я тебе не дам.

– Мама!

– Ты меня слышал? Нет. Категорически.

– Но почему?!

– Слава, ты сам колдун, а значит, должен понимать, что такое приворот, и чем он чреват.

– Мама, я дышать без нее не могу! Я ее из дома украду и силой заставлю брачную клятву принести!

– Точно, дурак.

– Как же ты не понимаешь!..

– Я все понимаю, – сказала, чуть повысив голос. – Пойми же и ты, бестолочь великовозрастная, – твоя несчастная Катерина наверняка всю жизнь себя уродом считала! И тут появляешься ты, весь такой прекрасный-распрекрасный. О любви поешь, да сватов засылаешь. Спрашивается: с чего бы, если другие мужчины от нее столько лет нос воротили? Девушка она умная, начитанная, мыслит, скорее всего, трезво и адекватно, а значит, причину твоих приставаний не в чувствах будет искать, а в чем-нибудь другом. Конечно, ей легче поверить в то, что ты – подлец и просто хочешь за ее счет самоутвердиться.

– Мои намерения чисты. Я просто ее люблю. Эх... разбирался б я в травах, давно бы сам зелье сварил!

– А потом всю жизнь об этом жалел, – покачала я головой. – Мне ли тебе говорить, что девушек нужно другими способами добиваться?

– Не работают эти другие способы.

– Тогда, быть может, и не стоит искушать судьбу?

В глазах Мечеслава появилось недоумение.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты не думал, сынок, что будет, если Катенька согласится стать твоей женой?

– Будет свадьба.

– А потом? Не забывай, мой хороший, что она – человек, а ты – нет. Что через несколько десятилетий жена твоя состарится и умрет, а ты еще как минимум лет триста будешь таким, как сейчас. А если во время вашего супружества тебя вдруг призовет отец? Жену-то придется оставить здесь, ей, человеческой женщине, в Навь путь будет закрыт. Да и вообще, согласится ли она выйти замуж, когда узнает, что ты маг? Или ты планировал всю жизнь от нее это скрывать?

– Мы бы с ней обязательно во всем разобрались, – тихо сказал Мечеслав. – И от хромоты я б легко ее вылечил. Но для этого нужно, чтобы она меня выслушала, не принимая в штыки то, что я ей буду говорить.

– Зелья я тебе не дам.

– Тогда хотя бы дай какой-нибудь совет.

– С удовольствием. Отправляйся спать, сынок. Утро вечера мудренее.

***

Кровать сыну я сегодня стелила сама, совсем как много лет назад. Отправив Мечеслава в баньку (Пафнутий согласился оторваться от вкусного гостинца и приготовить для него купальницу), вынула из сундука подушку и одеяло и по-

шла обустройства ему спальное место.

Мой мохнатый помощник прав: иногда наша изба действительно напоминает постоялый двор – если путник нуждается в ужине и ночлеге, здесь он их обязательно получит.

С виду мой домик кажется маленьким и скромным. Однако на самом деле его внутреннее пространство организовано так, что места хватает всем. В широких просторных сенях находятся шесть дверей. Одна ведет в горницу, где мы с Пафнутием принимаем визитеров, вторая – в мою личную спальню, третья – в комнату для гостей. Четвертая выполняет роль рабочего кабинета – в ней я варю зелья, наблюдаю через магические зеркала за подведомственной мне территорией и выхожу на связь с нужными людьми. Пятая, зачарованная, открывает проход в чудесную хижину на морском побережье, куда я периодически сбегая, чтобы побыть в одиночестве и отдохнуть от забот. Шестая же дверь, тяжелая, обитая мифрилом, закрыта на мощный магический замок, отпереть который могу только я. К слову сказать, в последний раз эта дверь открывалась почти полтора года.

Признаться, некоторое время назад я с надеждой прислушивалась к доносящимся из-за нее звукам, ждала, когда с другой стороны кто-нибудь постучит. Тем не менее, заветного стука я не дождалась, а вскоре и вовсе перестала надеяться, что он когда-нибудь раздастся.

Когда Слава улегся в постель, я осторожно заглянула к

нему в комнату, чтобы пожелать спокойной ночи. В итоге мы с сыном проболтали еще полчаса. Он рассказал мне о своей службе, о причудах княжеских любимцев и взлетевших ценах на овес. О возлюбленной Катерине больше не упоминал.

– Я не смогу надолго у тебя задержаться, мама, – сказал сын, когда я, в очередной раз пожелав ему приятных снов, собралась покинуть спальню. – Завтра в полдень уеду обратно.

– Главное, не делай того, о чем будешь потом жалеть, – тихо ответила ему. – И отдыхай. А я подумаю, как тебе помочь без приворотных зелий, похищений и прочей ерунды.

Мечеслав грустно улыбнулся и кивнул. Я же вышла из комнаты и направилась в свой кабинет.

Задал ты мне задачку, дорогой ребенок! Однако над ней я поразмыслию чуть позже – через пару часов, во время купания в Русалочьем озере. Тамошняя магия здорово питает не только волшебный резерв, но и мозг, а потому в голову зачастую приходят интересные идеи. Сейчас же у меня есть еще одно важное дело.

В кабинете я уселась за стол и придвинула к себе самое большое переговорное зеркало. Сколько там на часах? 23.17. Что ж, надеюсь, он уже дома.

Толкнула прикрепленный к узкой овальной раме золоченый шарик, прошептала короткое заклинание. Стекло тут же подернулось голубоватой пеленой, и через пару мгновений в зеркальной глубине появилось лицо красивого рыжеволосо-

го мужчины с янтарными змеиными глазами.

– Гликерия? – радостно удивился мужчина. – Здравствуй, дорогая! Сто лет тебя не видел!

– Привет, Захар, – с улыбкой кивнула я. – Так уж и сто? Года два, не больше.

– Правда? Надо же!

– Я тоже очень рада тебя видеть.

– Это хорошо. Мне, конечно, хотелось бы думать, что ты вышла на связь, потому как соскучилась по моей чудесной роже, однако я слишком давно и хорошо тебя знаю. Что случилось, Лика?

Как же приятно с ним общаться! Поздоровался – и сразу к делу, без лишних слов и этикетных расшаркиваний. Впрочем, у них, драконов, это в крови – и ум, и сообразительность, и простота в общении.

– У меня к тебе личное дело, Захар. Хочу пожаловаться на твоего сына.

Лицо моего собеседника тут же поскучнело.

– На какого именно? – устало поинтересовался он.

– А это ты определишь сам. Он никому не представлялся и человеческого обличия не принимал. Мне известно только то, что у него одна голова, буйный нрав и на удивление плохо со смекалкой.

– Это Гордей, мой младший, – тут же определил Захар. – Редкостный балбес. Что он опять натворил?

– Три поля пшеницы уничтожил. На Еремеевых землях.

Взгляд главного Змея стал жестким. Собственно, это не удивительно. Если не ошибаюсь, у Захара с местным князем имеется договор о сотрудничестве.

– Возместит, – сквозь зубы процедил старший дракон. – До последнего колоска.

– Хорошо, – кивнула я. – Но это не все. Твой сын серьезно докучает одной из моих хранилищниц. Тоже, кстати, младшей – Дарьюшке. Она мне сегодня сказала, что он летает над лесом и очень настойчиво зовет ее замуж.

Змей улыбнулся и облегченно выдохнул.

– Умеешь ты, Лика, напугать. Я уж было подумал, что ты на потом самое страшное поберегла.

– То есть ты эту ситуацию стоящей внимания не считаешь?

– Конечно, не считаю. Полетает, да перестанет. Дело-то молодое.

– Так-то оно так, – усмехнулась я. – А только и тебе, и Гордею не стоит забывать, что Даша – не деревенская девка и не томная купчиха, чтобы охать и падать в обморок при виде огнедышащего дракона. Она – чародейка, причем, не слабая. Надоест ей на Гордеевы виражи любоваться, засветит ему молнией промеж глаз, и станет на этом свете одним Змеем меньше, и на одного калеку больше. А Дарья уже на грани, Захар. Поговори с сыном, не доводи до греха.

– И что мне ему сказать? Чтобы от яги отстал и дорогу к ее лесу забыл?

– Зачем же так строго? – улыбнулась я. – Пусть спрячет крылья, примет человеческий облик, а уж потом замуж зовет. За ящера-то ни одна нормальная девушка выйти не согласится, а за добра молодца – еще подумает. Тем более сыновья твои, как на подбор, красавцы и богатыри.

– Погоди, – в янтарных глазах Захара мелькнуло недоумение. – Гордей делал девушке предложение в змеином обли-
чии?

– Я тебе об этом уже десять минут талдычу.

– Вот дурак! – покачал головой Горыныч. – Видать, прав-
да зацепила его твоя Дарья. Да так зацепила, что он послед-
ний ум потерял.

– Знаешь, у них, у молодых, это сейчас модно – строить
отношения без мозгов, – усмехнулась я.

– С сыном я поговорю, – серьезно сказал Захар. – И по
поводу полей, и по поводу яги.

– Поговори, – кивнула я. – Не забудь напомнить, чтобы
деликатнее был, когда заново знакомиться пойдет. И чтоб не
вздумал ее похищать. А то знаю я вас – сонное зелье под нос,
мешок на голову – и ищи потом девку свищи в ваших горных
хоромах.

Щеки Змея тронул румянец.

– Мы – драконы, – невинно развел он руками. – У нас так
принято. Я, между прочим, сам по этому принципу женился.
И ничего, с супругой живем душа в душу.

– Боюсь, Даше такой способ сватовства не понравится.

Разнесет она ваши палаты до камешка, а мы с девочками еще добавим. Заметь, на вполне законных основаниях.

– Да ладно тебе, – усмехнулся Захар. – Все будет, как надо. Ты же знаешь, семья у нас в целом приличная, дружная, обеспеченная, опять же. Да, некоторые наши обычаи непосвященных людей могут шокировать, но ничего дурного они в себе не несут.

– Мне это известно.

– И Дарье своей расскажи. На всякий случай. Я сына к ней через пару дней в нормальном виде отправлю, пусть сватается, как положено. Вдруг у них с Гордеем все сладится? Уж больно хочется этого дуралея в надежные руки сбыть!

Ну да, у каждого свои интересы.

– Кстати, Лика, – вдруг осторожно сказал Горыныч. – Я завтра вечером в Навь пойду. Касьяну от тебя привет передать?

Я про себя фыркнула. Можно подумать, мои приветы ему нужны!

– Не надо, Захар.

– Как скажешь.

– Спасибо, что ты меня услышал.

Он улыбнулся и понятливо кинул.

Я улыбнулась в ответ и быстрым пассом отключила магический переговорник.

Что ж, это дело сделано. Завтра с утра надо пообщаться с Лешим-алкоголиком. А сейчас пора на озеро – набираться

сил и свежих мыслей.

Глава 3

– Вот, Гликерия Афанасьевна, полюбуйся. Время – восемь часов утра, а он уже и выпил, и закусил, и спать улегся. Пьяница!.. И так две недели подряд!

Судя по Марьиному боевому настрою, разобраться с запившим лесным хранителем она планировала окончательно и прямо сейчас. Купание в волшебном водоеме этой ночью затянулось, да так, что ложиться спать уже не было смысла, а потому, переодевшись и высушив волосы, мы с ней сразу же отправились беседовать с лешим. Благо сил теперь, и волшебных, и физических, было много.

Нарушителя Марьиного спокойствия мы нашли очень быстро. Забиваться под пни и коряги лесной хозяйин в этот раз не стал, а устроился прямо на земле под большой раскидистой елкой.

Спал он крепко, источая при этом такой аромат, что комаров действительно можно было не бояться.

– Лика, ты это видишь?! – продолжила возмущаться яга. – Совсем стыд потерял! Где упал, там и храпит! А дальше что будет?

Дальше все будет печально. Потому как резкий запах браги, которую употребил леший, был мне очень даже знаком.

– Тебе не кажется странным, что хранитель спился так

быстро? – задумчиво спросила я у Марьи. – Лешие, конечно, спиртное уважают, однако почти не хмелеют и норму свою помнят.

– В семье не без урода, – мрачно ответила она. – Мой всегда был натурой увлекающейся. Будить-то его будем?

Я кивнула. Марья подошла к спящему лешему и с раздражением потрясла его за плечо. Тот ожидаемо не отреагировал. Яга хмыкнула и прочитала над ним коротенькое заклинание. Леший сладко захрапел.

Хранительница хмыкнула снова, теперь уже недоуменно. Сделала пасс рукой и отправила прямо в голову спящего тонкую полупрозрачную стрелу. Магическое орудие долетело до его спутанных волос и растаяло в воздухе.

– Лица, – испуганно пробормотала Марья, – такого раньше не было! Что это с ним? Заколдован, что ли?

– Похоже на то, – мрачно ответила я. – Давай-ка теперь я попробую.

Вдвоем мы перевернули лешего на спину. Я осторожно приподняла его голову и подула ему в лицо. Глаза хранителя медленно открылись. Вот только были они не болотно-зеленого цвета, характерного для любой лесной сущности, а небесно-голубыми, яркими и очень знакомыми.

Стоило нашим взглядам встретиться, как в голове раздался голос, насмешливый и родной: «Когда же ты нагуляешься, сладкая?»

От неожиданности я разжала руки, и леший, потеряв опо-

ру, бухнулся на землю. Радужка его глаз тут же вернула себе естественный цвет, а сам он растерянно захлопал редкими веточками-ресницами.

– Ну, здравствуй, Архип Григорьевич, – насмешливо сказала я. – Хулиганить изволишь?

– Матушка, – растеряно пробормотал хранитель, – Гликерия Афанасьевна... А что же ты... А я тут... Ох...

– Очнулся соколик, – насмешливо провозгласила Марья, склоняясь над лешим с другой стороны. – Думал, я на тебя управу не найду?

– погоди, не бранись, – остановила я ее. – Его вины тут только половина, и за нее он еще ответит.

Леший вздохнул и медленно перетек из лежачего положения в сидячее.

– Ты, дядька Архип, хоть знаешь, что за дрянь в себя вливал? – поинтересовалась я.

Хранитель грустно кивнул.

– И зачем ты это делал?

– Дык вкусная брага была, – виновато сказал он. – И сны от нее яркие, светлые...

– А в жизни тебе яркого и светлого не хватает? – возмущенно воскликнула Марья.

Леший вздохнул.

– В напиток было зелье подмешано, – сказала я. – Особенное, сильное, с подчиняющим эффектом. И готовил его не простой зельевар, а тоже – особенный. Верно, дядька Ар-

хип?

Хранитель опустил голову и снова кивнул.

– Кто приносил тебе брагу? Вран или Серый? Впрочем, можешь не отвечать, это теперь не имеет значения.

– Ли́ка, я ничего не поняла, – осторожно вмешалась Ма́рья. – Что за зелье? Кому понадобилось опаивать моего лешего?

Я глубоко вздохнула.

– Есть, Ма́рья, в подземном Навьем царстве колдун, который любит шутки, интриги и сложные игры. Все у него с подвывертом да со скрытым смыслом. Иначе жить ему не интересно, понимаешь? А спаивать твоего Архипа Григорьевича никто не собирался. Кому он кому нужен, этот Архип Григорьевич! Его просто попросили послание передать. Настоячиво и своеобразным способом – так, чтобы он понимал, о чем именно в нем говорится.

– Какие сложности, – удивилась яга. – Послание, я так понимаю, предназначалось для тебя?

– Правильно понимаешь. Счита́й, что от алкоголизма твой леший теперь излечился. Кстати, дядька Архип, – я сделала пасс рукой и метко набросила на хранителя тонкую серебряную сеть, которая тут же впилась в его кожу. – Накладываю на тебя хмельной запрет. Ни капли спиртного в течение семи лет. У тебя была прекрасная возможность после первой же порции зелья все рассказать Ма́рье. Она позвала меня сюда, и не было бы ни запоя, ни других проблем.

Архип Григорьевич послушно кивнул.

– Это что же получается, – медленно сказала Марья, – мне тут лес едва не утомили только для того, чтобы тебе пару слов шепнуть?

– Вроде того.

Касьяна такие мелочи, как деревья, белки и лисицы никогда не волновали.

Внутри у меня начал медленно раскручиваться клубок негодования.

Отыскался, значит, дорогой супруг. Обратил внимание на то, что жена второй год дома не появляется. «Письмо», умничка, отправил. Правильно, самому же не по чину ноги бить, да к супруге пред ясны очи являться. А ну как загордится жена, да решит, будто она для него что-то значит? Будто не букашка она ползучая, а нужная интересная личность.

А уж формулировку-то какую чудесную подобрал! «Когда же ты нагуляешься». Это я, значит, погулять ушла. Ну-ну.

– Матушка, – прервал мои размышления тихий голос лешего. – Гликерия Афанасьевна, господину-то передать что-нибудь?

– Передай, – кивнула я. – Скажи ему, что он идиот. И шутки у него идиотские.

***

Домой я вернулась в тот момент, когда Мечеслав и Пафнутий заканчивали завтракать.

– Что-то ты не в духе, Афанасьевна, – заметил кот, когда я влетела в избу, громко хлопнув дверью.

– Слава, ты давно общался с отцом? – спросила у сына, усаживаясь за стол.

– Давно, – ответил он. – А что?

– Ничего, – фыркнула я. – Между нами сейчас сотни верст и переходов, а он все равно умудряется меня бесить.

Слава с Пафнутием переглянулись, но благоразумно ни о чем спрашивать не стали.

– Как прошло ежегодное пополнение резерва? – поинтересовался мой мохнатый помощник.

– Нормально, – ответила, накладывая себе в тарелку овсяной каши. – Искупались, песни под луной спели, с русалками посплетничали. Все как обычно.

– А по поводу моего дела ты что-нибудь придумала? – осторожно спросил сын.

– Придумала, – кивнула я. – Но мне нужно сначала увидеть твою Катерину вживую. А еще лучше с нею познакомиться и побеседовать.

– Думаю, я смогу это устроить.

– Не нужно. Я сделаю это сама.

– Как это? – удивился Мечеслав.

– Пока не знаю, – пожала плечами. – Способов много, больше, чем ты можешь себе представить. К тому же, есть четкое предчувствие, что в ближайшие дни мне предстоит путешествие в стольный город.

– И чего тебе дома не сидится? – недовольно пробормотал Пафнутий.

Я мягко дотронулась до ладони Мечеслава.

– Не грусти, мой хороший. Дай немного времени, и я тебе помогу.

Сын, как и планировал, уехал сразу после обеда. Перед этим мы с ним еще побеседовали, прогулялись вместе к лесному озеру, наведались в гости к нашему лешему.

Вскочив на коня, Слава, как обычно, пообещал приезжать в гости чаще, я, как обычно этому не поверила, однако благодушно улыбнулась и кивнула.

Проводив сына, до пяти часов вечера занималась делами, а потом пошла в спальню и вынула из сундука любимые белые босоножки и одно из своих «земных» платьев.

– Куда это ты собралась? – Пафнутий мягко протиснулся в комнату через приоткрытую дверь.

– Хочу пройтись.

– Пройдись по лесу.

– Мне нужно немного побыть одной, а в нашем лесу это невозможно.

– Ты была на Земле два дня назад.

– И что? Если ты беспокоишься о границе, то это напрасно. Я еще раз проверила и укрепила все контуры. Если что-то случится, я сразу же об этом узнаю и прибуду обратно.

– Лица, – взгляд Пафнутия стал серьезным. – Ты получила весточку от Касьяна?

– Да, получила, – ответила, прячась за плотной ширмой, чтобы переодеться.

– И что он от тебя хочет?

– По всей видимости, желает, чтобы я вернулась домой.

– И ты вернешься?..

– Нет.

Я подошла к зеркалу, распустила косы и быстро уложила волосы в простую аккуратную прическу.

– Это послание тебя разозлило?

Повернулась к коту лицом, глубоко вздохнула.

– Представь себе. Муж по-прежнему остается единственным существом, способным вывести меня из себя. Знаешь, Пафнуша, я ужасно устала от его спектаклей. От сетей, которыми он, как паутиной, оплетает всех, кто находится в пределах его досягаемости. От постоянной демонстрации его силы и ума. Если Касьян хочет поговорить, пусть хотя бы раз за сорок лет нашего брака сам сделает мне навстречу шаг. А я за ним бегать больше не собираюсь, – вынула из сундука симпатичную красную сумочку и решительно направилась к двери. – Не скучай. К сумеркам вернусь обратно.

***

До портала я добралась за десять минут. А миновав его, еще минут через пятнадцать села в такси и поехала в центр города.

Некоторым людям для восстановления душевного равно-

весия нужны тишина и одиночество, мне же, наоборот, требуется шум, музыка и городская суета. Вот и сейчас у меня появилось огромное желание пройтись по людным улицам, побродить по магазинам, может быть, сходить в кино или театр.

Такси высадило меня у парка, который находился через дорогу от одного из местных торгово-развлекательных центров. Я расплатилась с водителем, и уже собиралась направиться к пешеходному переходу, как вдруг меня окликнули: – Лика!

Я обернулась на голос и невольно улыбнулась. У ограды парка стоял Дмитрий.

Похоже, мои планы прогуляться по городу в одиночестве накрылись емкостью для стирки белья. И послать-то его неудобно – очень уж радостно улыбается.

– Здравствуйте, Дима, – улыбнулась я в ответ. – Рада вас видеть.

Он в два шага преодолел разделяющее нас расстояние, подошел ко мне вплотную.

– Знаете, я ведь сегодня вечером вовсе не собирался гулять. А потом просто встал и отправился в парк. Мне почему-то подумалось: там я увижу вас. Хотя вы говорили, что надолго уедете из города.

– Мне пришлось перенести поездку, – ответила я. – Сегодня я еще здесь, но завтра утром все-таки уеду.

– До завтра есть немного времени, – заметил Дмитрий. –

Если вы не против, я мог бы составить вам сегодня компанию.

– Составьте, – согласилась я.

Мой спутник сделал приглашающий жест рукой, и мы неторопливо пошли вперед по тротуару.

– Куда бы вам хотелось пойти, Лика?

– Все равно, – пожала плечами. – Я никуда не спешу.

– Тогда предлагаю сначала поужинать. На этой улице есть уютное кафе с хорошей кухней, к тому же, там варят отличный кофе.

– Замечательно.

– А потом можно пройтись по парку – через пару часов начнется ежегодный фестиваль воздушных и водных фонариков. Думаю, это будет очень красиво.

– Наверняка, – кивнула я.

Идея провести вечер в компании этого мужчины с каждой минутой казалась все удачнее и удачнее.

Спустя десять минут мы уже сидели за столиком кафе – милого и действительно уютного. Там играла тихая приятная музыка, а по стенам были развешаны гирлянды с разноцветными огоньками.

– Вы давно живете в этом городе? – поинтересовалась я у Дмитрия, когда официант принес нам тарелки с едой.

– Вы можете называть на ты, Лика, – улыбнулся он.

– Хорошо. Тогда от тебя я буду ждать того же.

– Согласен. А по поводу твоего вопроса – я в этом городе

не живу вовсе. Но он очень мне нравится, поэтому я часто приезжаю сюда на несколько дней.

– А где же находится твой основной дом?

– Далеко, – Дима сделал маленький глоток кофе. – Очень далеко. Там тоже здорово, но все совсем не так, как здесь. Иногда я думаю о том, что однажды перееду сюда насовсем.

– Отчего же ты не сделаешь это прямо сейчас?

– Там у меня много дел – серьезных, которые я не могу порекомендовать никому другому. Нужно сначала найти приемника, а уже потом кардинально менять образ жизни, – он поднял глаза и посмотрел на меня долгим серьезным взглядом. – Возможно, теперь я займусь его поисками по-настоящему.

Этот взгляд почему-то меня смутил. Я кивнула и с повышенным интересом уставилась в свою тарелку.

– Сейчас я гощу у двоюродного брата, – продолжил Дмитрий. – Однако через неделю-две мне придется вернуться домой. Лика, как долго будет длиться твоя поездка? Быть может, мы успеем встретиться еще хотя бы раз?

– Не знаю, Дима, – честно сказала я. – Не хочу тебя обманывать. По правде сказать, я понятия не имею, какие дела у меня могут появиться завтра. Так что «командировка» может затянуться.

– Понятно, – кивнул он. – Значит, будем наслаждаться нынешним моментом.

После ужина мы отправились смотреть фонарики. К тому

времени, как вошли в ворота парка, небо уже потемнело, и в аллеях собралась большая толпа любителей ночных зрелищ.

Чтобы не потеряться среди гуляющих горожан, нам пришлось взяться за руки – Дима сжал мою ладонь и не отпускал ее до самого конца прогулки. Это прикосновение вызвало у меня прилив теплой благодарности.

Как давно никто не держал меня за руку! Я и забыла насколько это здорово – просто гулять по улице с красивым приятным мужчиной.

Вместе с остальными участниками фестиваля мы посмотрели выступление уличных танцоров и музыкантов, а когда пришло время запускать в небо фонари, громко аплодировали поднявшейся в воздух яркой флотилии. Затем, влекомые шумной веселой толпой, спустились к озеру. Там какой-то смешной взъерошенный парень протянул нам маленькую лилию из пенопласта и гофрированной бумаги, в центре которой находилась крошечная свечка в жестяном кругляше. У стоявших неподалеку мужчин мы раздобыли коробку спичек, и через мгновение в нашем распоряжении оказался симпатичный водный фонарик.

– Говорят, если, отправляя такой фонарь в плавание, загадать желание, оно непременно сбудется, – сказал мне Дима. – Попробуем?

И мы попробовали. Вместе опустили его на воду, легко подтолкнули вперед. Выпуская этот кораблик из рук, я загадала то, что было единственным моим желанием на протя-

жении многих лет: пусть всё у всех будет хорошо.

Дмитрий тоже что-то пожелал, однако, судя по его задумчивому лицу, это было нечто личное и гораздо менее абстрактное.

Потом снова были музыка и танцы, вино в соседнем ресторанчике, шутки и разговоры о забавной ерунде.

Когда стрелки на моих наручных часах показали первый час ночи, я засобиравалась домой. От предложения Димы проводить меня до дома категорически отказалась. В самом деле, куда бы он меня проводил? К лесу? Боюсь, это серьезно изменило бы его ко мне отношение.

– Спасибо за чудесный вечер, – сказала своему спутнику, когда за мной приехало такси. – Мне давно не было так весело.

– Мне тоже, – улыбнулся Дмитрий. – Знаешь, я очень хочу увидеть тебя еще раз. Ты такая...

– Волшебная?

– Не смейся, я говорю серьезно. Да, волшебная. Быть может, ты дашь мне свой номер телефона? Я бы с удовольствием тебе позвонил.

– Я могу дать тебе номер, но звонить на него смысла нет. Он все время будет или выключен или вне зоны действия сети.

– Почему?

– Там, куда я завтра уеду, проблемы с мобильной связью.

– То есть связаться с тобой невозможно?

– Вроде того. Не обижайся, но встретиться в следующий раз мы можем только случайно. Как сегодня.

– Случайности никогда не бывают случайными, – серьезно сказал Дима. – Если кто-то всезнающий снова сведет нас вместе, значит, в этом есть глубокий важный смысл.

Домой я вернулась довольная и очень уставшая. Бессонная ночь на Русалочьем озере, активный трудовой день и не менее активная прогулка все-таки дали о себе знать. Поэтому, переходя из одной реальности в другую, я думала только о том, как быстрее забраться под одеяло.

Однако, войдя в избу и увидев встревоженные глаза Пафнутия, поняла, что свидание с кроватью откладывается.

– Вовремя ты пришла, – нервно заметил мой помощник. – Я уж хотел гонца за тобой посылать.

– Что-то случилось?

– От Глафиры поступил сигнал о помощи. На северо-восточной границе прорыв.

Твою ж мать.

– Кто?

– Нежить, – кот вздрогнул. – Полчища.

***

В северо-восточном лесу я была уже через несколько секунд. Прямо в горнице открыла портал и, не тратя время на переодевание, шагнула в его сверкающий омут.

На Глашиной территории действительно творился ад. На

мгновение меня оглушил трубный рев и топот тысяч ног. Еще секунда понадобилась для того, чтобы оценить обстановку и сообразить, что нежить так орать и шлепать пятками не может.

Пафнутий снова все перепутал – на эту сторону границы напали вовсе не ожившие мертвецы, а чудовища, причем, судя по их зеленой коже и шипастым головам – иномирные. А это гораздо хуже простого нашествия зомби.

Темное ночное небо ежесекундно прорезали вспышки заклиний, ими шумную воинственную толпу щедро забрасывали целых три чародейки – Глафира, Настасья и Аграфена. Видать, дела у девчонок были совсем плохи, раз они вызвали на помощь еще и меня.

Быстрый пасс рукой, и я оказалась рядом с ними, одновременно выстраивая защитный купол, чтобы дать волшебницам минуту передышки.

– Лика! – воскликнула Глаша. – Слава небесам!

– Что произошло? – быстро спросила я.

– Черные источники, целых две штуки! Один я ликвидировала, второй не успела. Пока возилась с первым, в нем открылся портал, и из него полезла эта погань. Она голодная и жутко злая. Я накрыла лес защитной сферой, дабы эти красавцы не смогли подобраться к окрестным деревьям, но они так сильны и настойчивы, что я одна против них долго бы не выстояла.

– Мы не можем пробиться сквозь эту толпу, чтобы про-

никнуть к источнику и закрыть портал, – добавила Настасья. – Три часа уже бьемся, кучу чудовищ развеяли, а они все лезут и лезут. Помогай, Афанасьевна, свежие силы позарез нужны.

Пока они говорили, я внимательно рассматривала тварей – теперь они облепили наш купол и методично пытались его разрушить.

– Что у этих ребят есть кроме когтей и шипов? – спросила у девочек.

– Неуемный аппетит, – усмехнулась Аграфена. – И желание крушить все, что попадаетеся на пути. Если же тебя интересует, есть ли у них магия, то – нет, они ее не имеют. Берут только крепкой шкурой и количеством.

Я сделала пасс и швырнула в сторону двоих ближайших пришельцев боевое заклинание. Чудовища вспыхнули и растворились в воздухе. А через пару секунд появились где-то в последних рядах – я совершенно ясно увидела, как в воздухе мелькнула зеленая искра, и на место погибших монстров встали другие.

Бросила взгляд на хранительниц. Они стояли с теми же усталыми лицами и, похоже, ничего странного не замечали.

Или не могли заметить.

Внутри неприятно зашевелилось нехорошее предчувствие, а в памяти всплыла картина из относительно недавнего прошлого.

...Девятнадцатилетний Мечеслав, злой и мокрый от пота,

сражается с толпой темнокожих рогатых существ. В ход идет и магия, и меч, и кулаки, однако противников меньше не становится – на смену убитым тут же приходят другие.

Мы с Касьяном стоим на балконе и наблюдаем за боем – я с тревогой, муж – с удовлетворением.

– Они его не поранят?

– Нет, сладкая. Это всего лишь тренировочная материальная иллюзия.

– Этих тварей бесконечное число! Как же Слава сможет их победить?

– Ему не нужно их побеждать. Цель такого боя – выяснить, сколько времени Мечеслав способен продержаться в битве. И знаешь, его успехи меня очень радуют...

Иллюзия. Ну конечно.

Очередной привет от дорогого супруга? Наверняка. У черного источника, скорее всего, никакого портала нет, зато там лежит артефакт, который и создает этих зеленых шипастиков. А еще сидит тот, кто принес этот самый артефакт в лес.

– Девочки, стойте здесь, – сказала хранительницам. – А я попробую добраться до источника.

– Лика, не надо, – Глафира испуганно схватила меня за локоть. – Нужно придумать что-нибудь еще. Эти чудища очень опасны! А ну как они тебя разорвут?

– Не разорвут, – криво усмехнулась я, осторожно освобождаясь из ее захвата. – У меня перед ними есть некоторое

преимущество.

Щелкнула пальцами, и орущую толпу прорезал длинный светящийся коридор. Монстры тут же принялись скрести когтями его серебристые стены, однако толку от их потуг не было ни на грош.

– Я быстро, девочки. Шипастиков больше не бейте, лучше поддерживайте защитный купол.

Через коридор пролетела за десять минут. Потом еще столько же потратила на ликвидацию черного источника и поиски артефакта иллюзии. Искомый камень, гладкий и неожиданно светящийся бирюзой, обнаружился в прямо в траве. Стоило взять его в руки, как он слабо мигнул и погас, превратившись в обычный кусок породы.

Теперь осталось найти посла доброй воли.

– Ну и где ты прячешься? – устало спросила я, обернувшись к виднеющимся в темноте елкам. – Выходи по-хорошему.

– Вот он я, матушка.

С ветки одного из деревьев неслышно слетела большая птица. В полете она ловко перекинулась через голову, и на землю вместо нее мягко опустилась человеческая фигура.

– Вран, ты что ли?

– Я, Гликерия Афанасьевна.

Фигура вышла на свет моего магического коридора и оказалась невысоким худощавым мужчиной с бронзовой кожей и черными, как смоль, волосами.

– Как все это понимать? – беззлобно поинтересовалась я, кивнув сначала на деактивированный артефакт, а потом на то место, где минуту назад стояли полчища монстров.

– Касьян Трипетович кланяться велел, – почтительно склонил голову давний слуга нашего семейства. – А еще спросить, когда ты, матушка, обратно домой воротишься? Хозяину с тобой потолковать нужно.

О! Знать Марьюшкин леший передал-таки супружнику мой ответ на его послание.

– А отчего же вы с Касьяном Трипетовичем вместо того, чтобы задать свои вопросы мне напрямую, устроили такой балаган? Слабых женщин побеспокоили, среди ночи разбудили, волноваться, опять же, заставили.

– Это они-то слабые? – вытаращил глаза Вран. – Твои хранительницы, матушка, так иллюзии магией поливали, что, я уж думал, и мне самому достанется.

Достанется, не сомневайся. Узнает Глафира на кого она с подругами столько сил потратила, жаркое из тебя приготовит.

– А обратиться лично к тебе, Гликерия Афанасьевна, у меня не было никакой возможности. Я ж нечисть, а на твои границы от нечисти чары наложены.

– На этом лесу висят точно такие же чары, – заметила ему.

– Такие да не такие, – возразил Вран. – Эти в разы слабее будут. Простых анчуток они действительно на расстоянии держат, а мне их взломать – раз плюнуть. У тебя же за-

щита, что стена каменная, не взять ее никак. Пришлось в обход идти. А к яге твоей я за помощью обращаться побоялся.

Стукнуть его, что ли? Побоялся он, врун крылатый. Впрочем, по собственному почину Вран Воронович такую свистопляску бы не устроил, оборотень он хитрый, но тихий. Тут затайник другой.

– Хорошо, – кивнула я. – Залететь на территорию моего леса ты не смог. Но ведь это и не обязательно. У твоего господина в мою избу есть прямой доступ. Отчего же он им не воспользовался?

В глазах мужчины мелькнул испуг.

– Что ты, матушка! Как можно? По чину ли это Касьяну Трипетовичу?

– А почему бы и нет? – начала заводится я. – Он хочет поговорить? Я не против. Пусть сам ко мне придет и выскажет все, что желает. Для родной жены можно разок задницу от кресла оторвать. Так ему и передай.

– Передам, – со вздохом кивнул Вран. – Ох и рассердится же господин...

– Это его дело.

– ...даже больше, чем сегодня, когда он узнал, матушка, что ты, мужняя жена, с чужим мужчиной вино пила и за руку держалась.

Нарастающее раздражение превратилось в откровенную злость.

– Вот значит как, – нарочито спокойно сказала я. – Давно

ли, Вран, у твоего господина память отшибло? Забыл, как сам в отсутствие жены куролесить изволил? Только я в лес переехала, как он дворец девками забил! Что ты на меня тарацишься, Воронович? Мне о всех его похождениях в подробностях докладывали. И о княжне краденой, и о ведьмах заморских, и о многом другом. Знаешь, Вран, что-то мне подсказывает – со всеми этими женщинами Касьян, женатый мужчина, вел себя гораздо свободнее, нежели я с Дмитрием.

Теперь собеседник смотрел на меня едва ли не с ужасом.

– Что ты матушка, что ты! – воскликнул он. – Неправда все это. Не изменял тебе господин, даже не думал!

– Было бы странно, если б ты сказал мне что-нибудь другое, – хмыкнула я. – Ладно, хватит лясы точить. Касьяну передай, что в Навь я не вернусь. Если он хочет поговорить, опять же, пусть приходит ко мне сам. Заодно и развод наш обсудим. Кстати. Коль еще раз вы с Трипетовичем на подведомственных мне землях свистопляску устроите, общаться будем по-другому. Ты меня услышал?

– Услышал, матушка.

– Вот и хорошо. Бывай, Вран.

Глава 4

– Помнишь, Афанасьевна, было у тебя на днях предчувствие, будто ты в скором времени в стольный город соберешься?

– Ну?

– Так вот, время это, кажись, пришло.

Вздохнула и сделала глоток кофе.

После беседы с Вороновичем домой я вернулась настолько уставшая, что, сбросив на пол платье и туфли, рухнула на кровать и мгновенно заснула. В себя пришла ближе к десяти часам утра, а потом до вечера почти с наслаждением занималась обычными делами.

Поэтому сегодня, на следующий день, чувствовала себя легко и хорошо.

– Что опять случилось?

– Ничего страшного, – поспешил ответить Пафнутий. – Иван Никифорович, княжеский колдун, письмецо через нашего гуся передал. Пишет, что на одного из молодых барчуков хворь напала. Вроде как проклял кто-то парня, да так сильно, что он облик человеческий потерял.

– Шерстью оброс да рога отрастил?

– Нет, внешность у него, вроде, не изменилась. Он только воет по-звериному, бегает на четвереньках и ходит под себя.

Ого! Видать, сильно юноша кому-то насолил.

– А что, Никифорович сам справиться не способен?

– Кто его знает, может, и способен. Пишет: посоветоваться надо. Он хотел его к тебе в лес привезти, да родные не позволили. Стыдно им и страшно – вдруг кто знакомый парня в таком непотребном состоянии заприметит? Обещали щедро заплатить, если целительница сама к ним в палаты придет.

– Можно подумать, мне нужны их деньги.

– Копейка лишней никогда не будет, – наставительно сказал Пафнутий. – Заодно к аптекарю зайдешь, травок кое-каких купишь.

– Ты опять в моем огороде гориславку с заморским сорняком перепутал?

– Да ладно тебе, Афанасьевна, – смутился кот. – Я ж не нарочно. Правда. Уж больно они похожи и пахнут почти одинаково.

– И что же, ты ее всю изничтожил?

– Ну... почти.

Ясно.

– Вот и шел бы к аптекарю сам. Человеческим обликом я тебя обеспечу.

– Ну, Лика! Сходи, будь ласка. А я за зеркалами твоими присмотрю. Лесавок, опять же, развлеку, путников, если вдруг явятся, встречу.

– Черт с тобой, – махнула я рукой. – Корзинку мне собери. Пойду с Иваном Никифоровичем общаться.

На самом деле, перспектива прогуляться по стольному граду была не так уж и плоха. С земным мегаполисом сей город, конечно, не сравнится, однако есть в нем и прелесть, и чудесная атмосфера, которая мне очень по душе.

Так уж вышло, что наше Великое княжество имеет очень интересное географическое расположение. Находится оно в крайней западной точке континента и от остальных царств-государств отделяет его узкий горный перешеек. Из-за этого на карте княжество выглядит, как сжатый кулак с отставленным большим пальцем.

Политическое устройство нашей страны тоже напоминает кулак – в южной части находится Центральный удел со стольным градом Одрином и резиденцией правителя – великого князя, а от него, словно персты одной ладони, отходят малые уделы, которыми управляют князья-наместники.

Самое же интересное в нашем государстве то, что граничит оно, как минимум, с семью параллельными реальностями. С древности повелось, что охраняют эти границы магически одаренные женщины, а помогают им в этом все живущие окрест духи и сущности.

С течением времени обязанности хранительниц претерпели массу изменений: перечень их стал больше, а степень ответственности выше. Кроме соблюдения спокойствия на границе, каждая привратница-яга должна откликаться на просьбы местного магического сообщества, которое, к слову, развито в нашем Великом княжестве очень неплохо.

Сфера моего влияния – южное княжество и южная же магическая граница, потому в приятелях у меня имеются не только сельские колдуны, но и столичные. Дружим мы крепко, а друзьям, как известно, нужно помогать.

Топать до Одрина пешком не хотелось, поэтому я перенеслась к его крепостным стенам порталом. Дабы не привлекать к себе лишнего внимания, накинула перед отправкой личину, а потому городские ворота перешагнула в образе кругленькой благообразной старушки.

До дома княжеского колдуна шла неторопливо, наслаждаясь погодой и столичной суетой. Живу-то я относительно уединенно, а городской шум очень и очень люблю. Крики торговцев, скрип повозок, топот лошадиных копыт и возгласы местных сплетников сливаются для меня в одну веселую многоголосую песню, слушать которую – чистое удовольствие. По улицам княжеской столицы бродить тоже очень приятно – дороги ее вымощены ровными камнями, дома чисты и нарядны, палисадники душисты и ухожены.

Когда до высокого каменного забора, скрывавшего нужное мне жилище, оставалось несколько минут ходьбы, я отправила Ивану Никифоровичу ментальный сигнал, чтоб потайную калитку открыть приказал, а еще лучше, вышел мне навстречу сам.

Последнее предложение чародею понравилось больше – стоило мне приблизиться к его дому, как оказалось, что

вдоль ограды уже маячит знакомая долговязая фигура, укрытая пологом невидимости.

Это и понятно – дело-то у нас деликатное, а княжеский маг – фигура очень заметная. Одна его внешность чего стоит: высокий, жилистый, с длинной седой бородой, крупным носом и цепкими серыми глазами. Как нарядится в свою форменную мантию – вылитый звездочет из древних историй.

Я с невозмутимым лицом прошла вдоль забора, а потом ловко скользнула под магический полог.

– Здоров будь, Иван Никифорович.

– И тебе здравствовать, Гликерия Афанасьевна, – улыбнулся старик. – Спасибо, что откликнулась на мой зов.

– Было б за что. Рассказывай, что стряслось?

– Может, прежде в гости зайдешь? Чайку выпьем, варенья свежего попробуем? Негоже на пороге дела обсуждать.

– Не сердчай, Иван Никифорович, а только рассиживаться мне у тебя некогда, – покачала я головой. – Сам понимаешь, забот и хлопот мало никогда не бывает.

– Понимаю, – кивнул головой волшебник. – Тогда пошли потихоньку к дому нашего захворавшего, а я тебе по дороге все и расскажу.

– Так будет лучше всего.

Не снимая полога, мы пошли вперед вдоль городских построек. Вел меня Иван Никифорович в самый богатый район Одрина, туда, где располагались столичные дома знатных вельмож.

– Случилось у нас вот что, – начал рассказывать старый чародей. – Проклятый – сыночек второго княжеского советника. Парень он, в целом, неплохой, умом, вроде бы, не обижен, однако избалован донельзя, сызмальства привык, что все его капризы тот час же исполняются. Один он у отца с матерью, залюбили они его – страсть. Детина он теперь взрослый, а своевольный и озорной. То в карты в пух и прах проиграется, то забавы ради в окно к какой-нибудь девице средь бела дня влезет, то дебош в трактире устроит. А тут на днях перебрал с дружками хмельного вина, да и пошел приключения на свою голову искать.

– Я так понимаю, приключение он себе нашел.

– Нашел, – кивнул Иван Никифорович. – Тут неподалеку, на углу у рыночной площади, есть кондитерская лавка. Хорошая лавка, пирожные там бесподобные, а пироги с капустой и вовсе объедение. Прислуживает в этой лавке девица, круглая сиротка. Полы моет, товар по полкам раскладывает, заказы по адресам разносит. Никого у нее нет, только бабка престарелая.

– Я угадаю, – со вздохом сказала чародею. – Эта девушка попалась золотому мальчику на пути, и он над нею надругался. Верно?

– Верно, – грустно кивнул маг.

– Один или с приятелями?

– Один. Бабка этой бедняжки пришла к его отцу жаловаться, а тот ее со двора прогнал. А на следующий день сын

его на четвереньки встал и волком завыл.

Что ж, по делу и награда.

– Со старухой вельможа еще раз разговаривал?

– Нет, – качал головой Иван Никифорович. – Он, Гликерия Афанасьевна, про нее и не вспомнил. Были у его сына другие недоброжелатели, которые тоже могли проклятие наслать – проказы барчука многим поперек горла стояли. Это только я знаю, что заклятие бабка изнасилованной служанки наложила. Разум у парня прежний остался, и воспоминания оказались очень яркими. Сложить один и один было не сложно. И знаешь, матушка, кроме нас с тобой об этом никто не знает. И не узнает никогда.

Правильно, иначе этот второй советник и старуху, и внучку ее со свету сживет, а ведь они в данном деле сторона как раз пострадавшая. К тому же, колдунья вряд ли сумеет снять свое проклятие. Наверняка она накладывала его в сердцах, а значит, действовала в полную силу.

– Чары такие мощные, что ты их не можешь рассеять?

– В принципе, могу, – ответил колдун. – Но, во-первых, не вижу необходимости делать это так скоро. Пусть великовозрастный оболтус осознает, что за свои поступки нужно платить. Во-вторых, дело надо обстрять так, чтобы и овцы были целы, и волки сыты. Сиротку поруганную очень жаль, хочется, чтобы эта грязная история закончилась справедливо. И барчука в таком состоянии оставлять нельзя, чай, не дурачок деревенский, а наследник влиятельного рода, кото-

рый, не последнюю роль при княжеском дворе играет. Так что парня нужно не только в человеческий облик привести, но и с сознанием поиграть, чтобы жертве его худо не стало, когда к нему способность говорить вернется. А я, Гликерия Афанасьевна, в тонкие материи вторгаться боюсь, чтоб ненароком не навредить. Да и с родителями воспитательную работу требуется провести. Им, конечно, неоднократно говорили, что сыну их требуется мозги хорошенько вправить, да толку от этого не было никакого.

– Не переживай, Иван Никифорович, – улыбнулась я. – Что-нибудь придумаем.

Дом, в котором обитала семья второго княжеского советника, оказался одним из самых больших и роскошных особняков города. Мы обошли его кругом, и возле задних ворот Никифорович снял с нас магический полог. Сразу после этого в воротах отворилась небольшая калитка, и через нее мы попали на задний двор. Там уже стоял невысокий серьезный мужчина, который почтительно поклонился и проводил нас в сам дом.

Стоило переступить порог, как навстречу поспешили хозяева – вельможа и его жена. Знакома с ними я не была, хотя в городе видела неоднократно – во время праздничных народных гуляний они всегда находились по левую руку от великого князя. Сейчас супруги выглядели куда печальнее, чем в те веселые дни – у каждого из них явно прибавилось морщин и седых волос.

– Прошу любить и жаловать – Гликерия Афанасьевна, – представил меня княжеский маг.

В затравленных взглядах измученных родителей появилась надежда.

– Золотом вас с ног до головы осыплем, – тихо сказала мать непутевого барчука. – Звезду с неба достанем, любое желание выполним. Только помогите. Ради всего святого, помогите.

В ее голосе и во всем уставшем облике просматривалась такая боль, что мне стало очень жаль эту женщину.

– Отведите меня к вашему сыну, – попросила я.

Советник кивнул давешнему слуге, и нас повели через многочисленные комнаты и переходы куда-то в глубину дома. Спустя несколько минут мы вошли в большую богато обставленную комнату, посреди которой находилось странное сооружение из перин, подушек и одеял, очень напоминающее гнездо.

– Данилушка, сынок, выгляни на минутку, – негромко позвал отец. – К тебе пришли гости.

Гнездо зашевелилось, и из него показалась лохматая рыжеволосая голова с веснушчатым лицом и большими карими глазами, в которых плескалась та же боль и усталость, что и у советниковой супруги. Пару секунд парень внимательно нас рассматривал, а потом вдруг поднял нос к потолку и громко протяжно завыл. Его мать коротко всхлипнула.

Что ж, Иван Никифорович прав. Данилушка действительно-

но «отбывает наказание» за свой мерзкий поступок. Заклятие на него наложили с душой, но снять его не так уж сложно. Впрочем, тут ведь главным является воспитательный момент.

Я подошла к парню ближе, присела перед на корточки. Он тут же выбрался из своего логова, по-собачьи улегся у моих ног.

– Ты ведь понимаешь, что натворил, верно? – тихо спросила я у него.

Проклятый горестно вздохнул.

– Хочешь снова стать нормальным человеком?

Его ресницы захлопали, как крылья маленькой птахи.

– Тем, кем был прежде, ты уже не будешь, – строго сказала я. – Да и вину свою придется искупить. Понял?

Парень кивнул головой и потерся щекой о мое колено. Я тихо прочла заклинание, осторожно дунула на копну его спутанных кудрей, а потом встала во весь рост повернулась к затаившим дыхание родителям.

– Сын ваш совершил ужасный поступок, – серьезно сказала им. – Он силой обесчестил беззащитную девушку. Та девушка была не простой – на ней стояла родовая охранная метка, которая накладывает сильнейшее проклятие на того, кто осмелится нарушить ее чистоту, не вступив при этом с нею в брак.

Советник с женой побледнели.

– К нам недавно приходила пожилая женщина, – пробормо-

мотал вельможа. — Она говорила, что Данила обидел ее внучку.

— Видимо, старушка хотела вас предупредить, — с грустным видом подыграл мне княжеский маг. — Надеюсь, вы внимательно ее выслушали?

Цвет лица хозяина дома начал отливать синевой.

— Я прогнал ее вон, — глухо произнес он.

— Вам необходимо отыскать несчастную девушку, — строго сказала я. — И уговорить ее выйти за вашего сына замуж. Как только совершится брачный ритуал, проклятие падет, и Данила снова станет прежним.

И даже немного лучше. По крайней мере, спиртное он пить больше не будет никогда, да и к девушкам станет относиться гораздо уважительнее.

— Мы ее найдем, — решительно кивнула советникова жена. — Этим же вечером сватов зашлем.

— Хорошо, — кивнула я. — Но помните об одном — в вашем доме молодая невестка не должна чувствовать никакого стеснения. Если она вдруг ощутит себя чем-то обиженной, ваш сын снова встанет на четвереньки и завоет, как лесной зверь.

— Когда все закончится, я бы посоветовал вам определить Данилу в княжескую дружину, — вставил Иван Никифорович. — С воеводой я поговорю. Думаю, он не откажет.

Из дома второго советника мы вышли в приподнятом настроении и с тяжелыми кошельками, под завязку набитыми зо-

лотыми монетами. Плату за «лечение» я взяла сравнительно небольшую, и то лишь для того, чтобы не вызывать лишних подозрений. Пафнутий наверняка начнет ворчать, что свой труд я ценю очень дешево.

– Устроит тебя такое положение дел, Иван Никифорович? – поинтересовалась у мага, когда мы удалились от особняка на более-менее приличное расстояние.

– Вполне, – кивнул он. – Спасибо, Гликерия.

– Пожалуйста. Обращайся, если что.

На ближайшем повороте мы расстались. Чародей пошел к себе, а я отправилась в поход по аптекам. Перед тем, как идти в город, я забыла проверить, что еще, кроме злосчастной гориславки, выполол в огороде мой кот, и теперь меня терзали серьезные подозрения, что одной травкой потери не обошлись. Дабы не бегать в Одрин дважды, я обошла десяток лекарственных лавок и накупила целую корзинку трав и порошков, которые в перспективе можно использовать при изготовлении волшебных зелий.

Затем (раз уж я все равно в городе) прогулялась по торговым рядам и приобрела для себя любимой две нитки очаровательных бус и белоснежную сорочку. Хотела заглянуть в гости к сыну, но в последний момент передумала – зачем отвлекать воеводу от дел?

Когда покупки были сделаны, я отправилась домой. Сгорбившись под тяжестью своей корзины, вышла из городских ворот и медленно побрела по проселочной дороге к ближай-

шему перелеску, чтобы открыть портал и перенестись прямо к избе.

Сегодняшний день определенно прошел не зря. Надеюсь, шептунной Данилка сделает выводы из случившейся с ним истории. А по поводу дружины Никифорович здорово придумал. Слава «золотых» мальчиков страсть как не любит, поэтому дурь из него выбьет быстро и с удовольствием.

О! А небо-то уже вот-вот заалееет. Долго же я в городе пробыла! Надо бы прибавить шаг.

Только подумала, как моя нога попала в дорожную выбоину, а сама я едва не грохнулась на дорогу. Но от падения меня спасли чьи-то сильные руки – вовремя подхватили под локоть и помогли удержаться на месте. Слева тут же раздался нежный девичий голосок:

– Ты не ушиблась, бабушка?

Я повернула голову и улыбнулась – надо мной склонилась тоненькая, очень миловидная девушка.

– Спасибо, милая, – ответила ей, – твоими стараниями ушибиться я не успела.

– Корзинка твоя, наверное, очень тяжела, – заметила девушка. – Позволь, бабушка, помочь тебе ее донести.

– А сдюжишь, красавица? – усмехнулась я. – Ты ж худенькая, как воробышек.

– Сдюжу, – засмеялась незнакомка, забирая мою ношу. – Это только кажется, что меня ветром может унести. На самом деле я и не такую тяжесть перенесу.

Она легко перекинула мои покупки из руки на руку и наравне со мной зашагала по дороге.

А девка-то хороша! Кожа нежная, как яблочко, губки алые, волосы светлые в толстую косу заплетены, а уж глазички-то, будто озера северные. Судя по всему, не от простых людей этот воробышек родился. Одежда на ней без особых прикрас, а узор на рукавах дорогим шелком вышит, да и серьги в ушах совсем не грошик ломаный стоят.

– Что же ты, милая, за городом одна гуляешь? – поинтересовалась я. – Вечер уж на дворе. А ну как дома тебя хватятся? Или лихие люди на дороге повстречают?

– Дома меня не хватятся, – ответила девушка. – Некому хвататься. Отец на службе занят, а слуги, если что, знают, где меня искать. Разбойников я не боюсь, их тут, слава небесам, лет двадцать уж нет.

– А куда ж ты путь свой держишь?

– В приграничный лес. К бабе яге.

Ого! Это ко мне, значит?

– Что же тебе от этой ведьмы понадобилось?

Девушка вздохнула.

– Дело у меня серьезное. Очень ее совет нужен.

– Именно ее? Больше никто тебе помочь не может?

– Видимо, больше никто.

Теперь я смотрела на нее с удвоенным интересом.

– Чтобы попасть в ее избу, нужно глухими тропами пройти, болота миновать, от Лешего да оборотней убежать. По-

думай хорошенько, так ли нужна тебе яга, чтобы через все эти ужасы пройти?

– Не отговаривай меня, бабушка. Я долго думала, прежде чем в этот путь отправиться. Но сил моих больше нет, моченьки никакой не осталось. Очень нужно с колдуньей побеседовать.

Вот тебе и воробей! Тонка, как тростинка, а силы и решимости, будто у бывшего витязя. И корзину мою безропотно тащит. Аж ногу чуть привлекает, да горбится маленько...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.